
С КНИЖНОЙ ПОЛКИ

А.Н. ЛИНДЕ*

КРИТИКА ЦИФРОВИЗАЦИИ ПУБЛИЧНОЙ СФЕРЫ И РЕВИЗИЯ ДЕЛИБЕРАТИВНОЙ ДЕМОКРАТИИ: ОБЗОР ПОСЛЕДНЕЙ КНИГИ Ю. ХАБЕРМАСА

Рец. на кн.: *Хабермас Ю.* Новая структурная трансформация публичной сферы и делиберативная политика. 2-е издание. – М.: Новое литературное обозрение, 2025. – 104 с.

Для цитирования: Линде А.Н. Критика цифровизации публичной сферы и ревизия делиберативной демократии: обзор последней книги Ю. Хабермаса // Политическая наука. – 2026. – № 2. – С. 284–296. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2026.02.13>

В 2022 г. философ Юрген Хабермас, несмотря на преклонный возраст – 93 года, – опубликовал еще одну книгу: «Новая структурная трансформация публичной сферы и делиберативная политика» [Хабермас, 2025]. То, что в столь почтенном возрасте один из самых известных философов современности проводит новые исследования, представляется подвигом – ведь еще за три года до этого, в 2019 г., он издал почти 2000-страничную работу, иронично названную «Еще одна история философии» [Habermas, 2019]. Интересно, что перевод на русский язык книги 2022 г. вышел почти сразу – в 2023 г., а настоящая рецензия посвящена уже

---

* **Линде Андрей Николаевич**, кандидат политических наук, доцент кафедры политического анализа и социально-психологических процессов, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова (Москва, Россия), e-mail: anlinde@mail.ru

второму ее изданию, вышедшему в конце 2025 г. Новая работа Хабермаса представляется важной по следующим причинам.

Практически все исследования публичной сферы исходят из традиции, заложенной Хабермасом. Сам термин «публичная сфера» стал общераспространенным после публикации Хабермасом в 1962 г. работы «Структурные трансформации публичной сферы» [Habermas, 1991]. Вышли сотни зарубежных трудов и целый ряд российских, среди которых особенно фундаментальный характер носят коллективные труды «Публичная сфера: теория, методология, кейс-стади» [Публичная сфера..., 2013] и «Несовершенная публичная сфера. История режимов публичности в России» [Несовершенная публичная сфера..., 2021].

Хабермас в работе 1962 г. проводил исследование публичной сферы от Античности до современности. По мнению философа, в эпоху Просвещения развитие публичной сферы пережило качественный скачок, однако применительно к XX в. он писал о ее деградации.

Позднее благодаря возникновению интернета стали развиваться интернет-коммуникации, институционально выраженные в интернет-форумах, социальных сетях, мессенджерах, онлайн-платформах и т.д., что позволяет проводить обсуждение вопросов среди большого числа людей. Казалось бы, публичная сфера должна стать качественно лучше и более открытой и доступной. И многие общественные деятели и ученые придерживались в начале XXI в. оптимистичного взгляда на развитие публичной сферы в связи с открытием интернета¹. Поэтому интересно узнать, какова здесь точка зрения Хабермаса.

Несмотря на новации, которые могли бы говорить о новом уровне развития публичной сферы, Хабермас скорее негативно высказывается о публичной сфере нашего времени. Или, корректнее будет сказать, о том, что претендует на звание публичной сферы, но на самом деле является просто средством передачи информации, обеспечивающим постоянный непрерывный поток коммуникации, но так и не ставшим полноценной площадкой –

---

¹ Например, Антье Гиммлер, сторонник модели делиберативной демократии и подхода к публичной сфере Ю. Хабермаса, в 2001 г. писал, что именно интернет «мог бы соответствовать этому пониманию публичной сферы и повлиять на качество публичных дебатов» [Gimmler, 2001, p. 1]. См. также современный в целом оптимистический взгляд на влияние интернета на публичную сферу: [Rapnes, 2016].

публичной сферой – для разумных, всесторонних и диалогических делиберативных обсуждений между людьми.

Проанализируем историю вопроса, которому посвящена новая книга Хабермаса, а затем перейдем к исследованию нового труда.

В работе «Структурные трансформации публичной сферы» Хабермас определял «публичную сферу» как сферу жизни социума, в которой возможно общественное решение социально-политических проблем, происходит процесс формирования общественного мнения, «коммуникативного производства легитимной власти» [Habermas, 1990, p. 203]. Данной интерпретации придерживаются и российские ученые: О.Ю. Малинова определяет публичную сферу как «социальное пространство, где в более или менее открытом режиме обсуждаются общественно значимые проблемы» [Публичная сфера..., 2013, с. 55].

Хабермас разводит свое понимание «публичности» как «открытости общественному обсуждению», и публичности в том значении, что человек стал «публичной фигурой». Речь в таком понимании «публичных деятелей», в том числе «лидеров общественного мнения», идет, с точки зрения Хабермаса, только об их нарциссическом самовозвышении над обществом. Как пишет Хабермас уже в данной новой книге 2022 г., современные социальные сети и пр. интернет-площадки служат людям скорее «для нарциссического самолюбования и “демонстрации уникальности”» (с. 60), чем для постижения другого человека и продуктивной дискуссии с ним. С нашей точки зрения, такова во многом и природа лидеров общественного мнения в современности: они не столько собирают разные мнения в дискуссии, сколько продвигают через интернет-площадки свое личное мнение и свою персону.

В новой книге Хабермас связывает публичную сферу и делиберативную демократию, а завершает книгу интервью Хабермаса для «Оксфордского справочника по делиберативной демократии» (с. 68–82) и его статья «Что означает “делиберативная демократия”?» (с. 83–98).

Уже во вступлении к книге Хабермас указывает, что, в отличие от работы 1962 г. [Habermas, 1991] сейчас «историческая сторона нас... не интересует» (с. 22). Эта работа посвящена скорее социально- и политико-философским вопросам: роли публичной сферы в интеграции общества и становления ее в качестве основы для делиберативно-демократических обсуждений граждан, влияющих на государственную политику. Эмпирические факты служат скорее иллюстрацией теоретических утверждений философа, их подтвержде-

нием, но отдельного, полноценного математически просчитанного исследования в работе нет. Этот момент говорит о том, что новая работа Хабермаса еще ждет своего приложения в практическом исследовании.

Во вступлении к работе Хабермас затрагивает основную ее проблему – цифровую трансформацию медиа, пришедшую на смену печатным медиа и телевидению, радио. И уже здесь философ делает вывод, что эта «цифровизация» усугубляет положение граждан в обществе, формирование их мнения и понижает уровень публичной сферы общества. Так как, вместо восприятия гражданами разных точек зрения и дальнейшего рационального обсуждения, еще более углубляющего «рефлексивность», продуманность их точек зрения, люди углубляются в социальных сетях в свои идеологические «эхо-камеры», изолируясь от других точек зрения и отказываясь от рефлексивного диалога с носителями иных убеждений.

Как пишет Хабермас, «пользователи социальных сетей... предпочитают придерживаться полупубличной, фрагментарной и замкнутой в себе коммуникации, которая искажает их восприятие... публичной сферы» (с. 24). В итоге под угрозой оказываются и естественная, не принудительная социализация граждан, происходящая через коммуникации публичной сферы общества, и происходящая из публичной сферы делиберативная политика: «...под угрозой оказывается... чтобы мнения и воля формировались... делиберативным образом» (с. 24). Эта идея об эхо-камерах, наносящих вред социуму и формированию в нем общественного мнения, разделяется и другими учеными [Angelova, 2025; Liu et al., 2025].

В разделе, следующем за вступлением, Хабермас анализирует соотношение между эмпирической действительностью и нормативными требованиями. В несколько более привычном виде это разделение существует как разграничение между эмпирическими исследованиями и нормативной теорией – то есть между тем, как есть, и между тем, как должно быть. Тем не менее в данной работе мыслитель идет несколько дальше и говорит не столько об исходящих из трансцендентной области идеальных нормах, сколько о нормативных требованиях, «завоеванных» в ходе политической практики, в том числе практики «со времен конституционных революций конца XVIII века» (с. 24). Мы согласны с Т.В. Вайзер, которая в своем предисловии к книге рассматривает этот переход от сугубо теоретического нормативного подхода к практически обоснованным нормативным требованиям, защищенным борьбой

граждан за свои права как новацию в творчестве Хабермаса (с. 14). Хабермас считает, что граждане должны через политику постоянно участвовать в поддержании своих прав, гарантируемых нормативными требованиями, развивать их. Это – «одно из необходимых условий существования демократического сообщества» (с. 27).

Эти нормативные требования, пусть и не религиозно обоснованные, а достигнутые политически, по содержанию остаются теми же: «...каждый человек в... индивидуальности заслуживает одинакового уважения и должен получать одинаковое обращение» (с. 26). Правда, мы позволим себе не полностью согласиться в этом положении с Хабермасом: с нашей точки зрения, такие нормативные требования равного уважения и обращения с каждым человеком как с «неотчуждаемой» уникальной личностью могут быть изначально обоснованы только за счет трансцендентно-религиозных и метафизических положений, и лишь затем, выношенные в умах людей, эти нормативные требования могут быть достигнуты в политической практике гражданами, потребовавшими их от своего государства и в результате закрепившими такие нормы на институциональном уровне. Прежде всего такие нормативные требования были обоснованы в аутентичном христианстве. Не случайно противник христианства Ф. Ницше в «Воле к власти» писал, что как минимум две христианские идеи – идея вечной, бессмертной души человека, трансцендентной по своему происхождению, и потому, находящейся «над» социальным миром, и идея равенства всех этих трансцендентных душ перед Богом – это «прототип всех теорий равных прав» [Ницше, 2005, с. 413]. И не случайно, когда в нацистской Германии вооружились идеями Ницше, о равенстве всех групп населения перед законом – особенно евреев – быстро забыли.

Во втором разделе Хабермас пишет о делиберативной демократии и ее соотношении с коммуникацией в публичной сфере. И этот раздел книги оставляет двойственное впечатление. На наш взгляд, изначально делиберативная демократия понималась философом как существенное дополнение классической либеральной представительной демократии, многое в ней меняющее. Так, если либеральная демократия в большей степени ассоциируется с правлением меритократических элит, то Хабермас предлагал восстановить провозглашаемый республиканской традицией народный суверенитет. Но, в отличие от Руссо и его последователей, Хабермасом идея «народного суверенитета... истолковывается интерсубъективистски... в качестве коммуникативно производимой власти» [Хабермас, 2001, с. 399].

Так, Хабермас утверждал, что общественные дискуссии среди граждан должны иметь не просто «совещательно-рекомендательный характер» по отношению к власти. Дискурс должен находить выход в результативном, рациональном действии, даже если оно входит в противоречие с принципами и нормами, установленными «господствующей системой властных отношений» [Habermas, 1991, p. 249]. Кроме того, он утверждал, что обсуждение между разными социальными группами должно приводить к смягчению взглядов самих поляризованных граждан, изменению их точек зрения под «непринуждающим принуждением» лучшего аргумента граждан других взглядов, и по итогам дискуссии возможен консенсус – направляющий все общественное развитие до следующих дебатов. То есть, изначально делиберативная демократия представляла как модель демократии, более радикальная по сравнению с моделью либеральной, представительной, поскольку она опиралась на республиканскую идею народного суверенитета.

И, как кажется в начале этого раздела новой книги, Хабермас придерживается этого же подхода, утверждая: «...два требования демократического процесса – гласное обсуждение и вовлеченность всех граждан» (с. 32). Но затем Хабермас утверждает, что гласное обсуждение и вообще дебаты «могут быть реализованы... только на уровне отдельных государственных институтов и прежде всего в представительных и законодательных органах парламентского типа» (с. 32). Получается, что теперь коммуникация граждан в представлении Хабермаса даже не имеет «совещательного» характера по отношению к решениям власти: активные граждане только «направляют общественное внимание на актуальные проблемы» (с. 36–37).

Таким же образом обстоят дела и с прежним подходом мыслителя к образованию консенсуса в ходе дебатов. Начиная с 1962 г. он выступал за диалог, приводящий к построению консенсуса: «Нейтрализация социальной власти и рационализация политического господства в среде публичного обсуждения... предполагают... возможный консенсус... возможность объективного соглашения между конкурирующими интересами в соответствии с универсальными и обязательными критериями» [Habermas, 1991, p. 234].

Сейчас же Хабермас прямо пишет, что в ходе дебатов даже поощряется, чтобы стороны дискуссии могли «сказать друг другу “нет”» (с. 34), а единственное согласие, которое требуется, – «в отношении принципов... конституции, которая узаконивает все основные споры» (с. 34). И более того, философ утверждает, что

такие споры носят вовсе не стремящийся к консенсусу, а «принципиально агональный характер», здесь подходя достаточно близко к пониманию политики, лежащему в основе модели «агонистической демократии» Ш. Муфф [Mouffe, 2000]. Всё, к чему могут привести такие дебаты, согласно новым представлениям Хабермаса, – это помочь гражданам слегка скорректировать свои точки зрения. Нам представляется, что такой отказ от идеи консенсуса – это серьезный отход от принципов прежней версии хабермасовской модели делиберативной демократии. Действительно, прежняя версия делиберативной демократии была принята именно вместе с идеей консенсуса большинством других ученых, включая Дж. Козна, Д. Драйзека, Дж. Фишкина, Р. Ласкина. Последние два во многих странах проводили делиберативные дебаты среди граждан, ориентированные на смягчение их позиций и достижение консенсуса [Fishkin, Luskin, 2005].

Такое изменение в риторике Хабермаса оценивается нами как «ревизия» его модели демократии, постепенно сводимой им до представительной либеральной демократии, весьма ограниченной с точки зрения реального участия обычных граждан. Так, Хабермас отказывается от прямого участия граждан в политике, от идеи достижения согласия между разными сторонами дискуссии, и, собственно, от общегражданского консенсуса, на основе которого граждане и должны были бы проводить согласованную политику по самоуправлению общественной жизнью. Таким образом, не совсем понятно, зачем нужна оригинальная модель делиберативной демократии, если в новой версии она почти ничем не отличается от представительной либеральной демократии, уже распространенной во многих странах мира. Прежний вариант делиберативной демократии у Хабермаса был намного радикальнее: и с точки зрения непосредственного участия граждан в политике, и в контексте достижения некоторой общей консенсусной точки зрения в обществе – одновременно основной и в целом приемлемой для всех, и многополярной в плане многообразия образовавших ее разных точек зрения.

В третьем разделе Хабермас анализирует условия, необходимые для делиберативной демократии.

Первое условие – способность к взаимопониманию, признанию другой точки зрения, нежеланию искать в Другом врага твоему образу бытия. Последний пункт особенно противостоит тому, что было провозглашено в экзистенциально-фашиствующем подходе К. Шмиттом, согласно которому вся политика – это борьба

друзей и врагов, различающихся по своему образу бытия и потому противоположных друг другу в своей экзистенциальной сущности [Шмитт, 2000]. В целом обозначенные выше положения подводятся Хабермасом под единое понятие: «либеральная политическая культура» (с. 38), основанная на толерантности. Без способности воспринимать Другого как такую же достойную личность, только с иной точкой зрения, не будут иметь смысла какие-либо политические дискуссии, нацеленные на как минимум корректировку своей точки зрения.

Другое условие – высокий уровень жизни граждан государства и социальное государство, выполняющее обязательства перед гражданами. Эти положения сконцентрированы в «государстве всеобщего благоденствия». Философ приводит причины того, что бедность понижает уровень демократического участия населения: разочарованные граждане, экономическое и социальное положение которых так и не улучшилось после их участия в выборах, либо не хотят больше участвовать в выборах, понимая, что они никак позитивно не влияют на их жизнь, либо отдают голоса за популистов вроде Д. Трампа, аккумулирующих их недовольство и обещающих им быстрое решение их социальных проблем.

Но есть у благосостояния и равенства населения, хотя бы относительного, и другая сторона, не приведенная Хабермасом. Так, Р. Инглхарт писал, что повышение уровня благосостояния населения позволяет людям отвлечься от постоянной изматывающей работы и обратиться к более возвышенным целям, включая и участие в политике [Инглхарт, 2002]. Таким образом, с точки зрения Инглхарта, «экономический прогресс влечет за собой... переход от “ценностей выживания” к “ценностям самовыражения”, и это позволяет понять, почему богатые общества в большей мере тяготеют к демократии» [Инглхарт, 2002, с. 107]. С нашей точки зрения, это соответствует переходу по ступеням пирамиды потребностей А. Маслоу, когда от физиологических потребностей, потребностей в безопасности люди переходят к потребностям в самоактуализации [Маслоу, 2019]. Таким образом, демократия, особенно делиберативная демократия, требует высокого уровня благосостояния населения и хотя бы относительного равенства граждан.

Третье условие для существования демократии – способность гражданского общества сопротивляться императивам капиталистической системы, которая сама по себе не нуждается ни в социальном равенстве, ни в демократическом участии, ни во власти самого народа. Фактически от способности граждан противо-

стоять логике неолиберальных государственных порядков и власти крупных транснациональных корпораций, заинтересованных во власти и материальных благах только для себя, зависит то, останется ли власть у простых граждан – и фактически выживет ли демократия. И в этой части книги Хабермас почти пророчески пишет, что «мировая политика великих держав может перерасти в новый вид империализма» (с. 44).

В четвертом разделе своей книги Хабермас переходит от делиберативной демократии к цифровизации публичной сферы. Здесь мыслитель пытается опровергнуть расхожее представление, что появление интернет-коммуникаций усовершенствовало публичную сферу общества, создав новые возможности для демократических обсуждений и развития демократии. Он пишет, что важны не только уровень охвата числа населения в коммуникации и количество передаваемой гражданами друг другу информации, но и *качество* этой коммуникации. Только качественная коммуникация может стать основой для того, чтобы было выстроено «делиберативное качество публичных дебатов» (с. 46). К сожалению, как утверждает Хабермас, в современности мы наблюдаем прямо противоположное. Почти бесконечные потоки информации в интернете, обычно невысокой по своему качеству, приводят к информационному перенасыщению граждан, а отсутствие фильтрации информации по качеству со стороны редакторов публикуемого контента служит скорее упрощению публичных интернет-дискуссий, в которых больше не возможны ни взаимопонимание, ни достижение консенсуса, ни формирование действительно рационального, рефлексивного общественного мнения в социуме.

Пятый раздел книги – наиболее социолого-статистический. В нем Хабермас показывает, как изменилось получение информации из медиа за последние годы. По сути, эта глава работы служит социологическим обоснованием предыдущего и последующего разделов, главный тезис которых – деградация публичной сферы в эпоху ее цифровизации. И Хабермас приводит данные: люди действительно все больше пользуются социальными сетями, с их бесконечным потоком неотфильтрованной редакторами информации и непрофессиональными дискуссиями. Сталкиваются люди и с явлением, обозначенным популярным термином «постправда»: в Европе «79% утверждают, что сталкивались с искаженными или ложными новостями» (с. 54). Таким образом, этими данными Хабермас подтверждает следующее. Публичная сфера вовсе не переживает развитие и прогресс, напротив, она сущностно трансфор-

мировалась в направлении непрофессионализма, невозможно быть уверенным в истинности информации в состоянии «постправды». А в столь интенсивном потоке коммуникации сложно отличить информацию, понижающую энтропию, от информационного шума.

В последнем, шестом разделе книги критически анализируются современные интернет-платформы: социальные сети, мессенджеры, YouTube и др. С точки зрения Хабермаса, современные крупнейшие интернет-платформы не являются независимыми, обеспечивающими свободную коммуникацию между гражданами – то есть подлинно демократическую публичную сферу. Напротив, такие интернет-платформы – это полноценные бизнес-корпорации по извлечению прибыли, не нейтрально относящиеся к своим пользователям – например, навязывая им алгоритмизированный контент, создавая для них те самые «эхо-камеры» и т.д.

И здесь взгляды Хабермаса, всю жизнь считавшего себя «левым» мыслителем, схожи с другими философами социал-демократического образа мысли. Так, Ш. Зубофф писала о наступившей эпохе «надзорного капитализма» [Зубофф, 2022], а Я. Варуфакис – о «технофеодализме» интернет-корпораций [Варуфакис, 2023], через алгоритмизированную слежку за пользователями получающих всю информацию о них, а через навязывание информации уже проанализированным людям – направляющим деятельность человечества. Все это, по мысли Хабермаса, приводит к «коммодификации жизненного мира» (с. 57) – фактически к превращению в товар чувств, переживаний, предпочтений людей, в результате чего «система» внедряется все сильнее и сильнее в жизнь людей, не позволяя им проявлять свои подлинные, аутентичные чувства и развивать свое настоящее «я», свою духовную человеческую личность. Одной из причин этого Хабермас видит то, что «возникновение Силиконовой долины... совпало с глобальным распространением неолиберальной экономической программы» (с. 65).

Большой интерес представляют и дополнения, размещенные в этой книге, где Хабермас в интервью и в отдельной статье рассуждает о делиберативной демократии. В частности, он указывает, что не только делиберативную демократию, но и вообще демократию ни в коем случае нельзя «патерналистски» навязывать другим странам, и вообще придерживаться этого, столь распространенного в США и ЕС, «сомнительного патерналистского отношения к другим цивилизациям» (с. 79). А также он вновь критикует неолиберализм с социал-демократических позиций: демократия дегра-

дирует во всем мире, «с тех пор, как политика... уступила место рынку» (с. 82), и поэтому вновь – «теория демократии и критика капитализма – союзники» (с. 82).

Таким образом, данная книга Хабермаса – действительно новое исследование, а не просто повторение его прежних идей о публичной сфере и делиберативной демократии. Особенно оригинальной представляется авторская позиция ученого, стремящегося доказать, вопреки многим исследователям-«технооптимистам», что цифровизация публичной сферы приводит к ее кризису, когда аргументированные мнения людей растворяются в непрерывном потоке коммуникации, само качество информации страдает в связи с отсутствием ее редакции и фильтрации, а предпочтения и убеждения людей направляют технокорпорации, желающие распространить свою власть над умами и поведением людей по всему миру.

Вместе с тем несколько более критическое впечатление у автора рецензии вызвала новая интерпретация в этой книге Хабермасом своей же модели делиберативной демократии, здесь она становится, как было показано выше, почти не отличимой от классической представительной либеральной демократии. Мы воспринимаем эту версию как «ревизию» делиберативной демократии и видим преимущества прежней версии, основанной на реальном, институционализированном влиянии обсуждения гражданами социально-политических проблем на принимаемые властью по этим проблемам решения. И, с нашей точки зрения, только эта, не ограничиваемая версия делиберативной демократии может помочь преодолеть кризис как публичной сферы, прошедшей через «цифровизацию», так и современных представительных демократий в мире в целом.

A.N. Linde*

**The critique of the digitalization of the public sphere
and revision of deliberative democracy:
the review of the last book by J. Habermas: review**

For citation: Linde A.N. The critique of the digitalization of the public sphere and revision of deliberative democracy: the review of the last book by J. Habermas: review. *Political science (RU)*. 2026, N 2, P. 284–296. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2026.02.13>

---

* **Linde Andrey**, Plekhanov Russian University of Economics, e-mail: anlinde@mail.ru

References

- Angelova D. Role of echo chambers in the polarization of society. *Athens journal of politics & International affairs*. 2025, Vol. 1, Iss. 4, P. 313–328.
- Atnashev T.M., Weiser T.V., Velizhev M.B. (eds). *The imperfect public sphere: a history of public regimes in Russia*. Moscow: New literary review, 2021, 744 p. (In Russ.)
- Fishkin J., Luskin. R. Experimenting with a democratic ideal: deliberative polling and public opinion. *Acta politica*, 2005, Vol. 40, P. 284–298.
- Gimmler A. Deliberative democracy, the public sphere and the internet. *Philosophy & Social criticism*. 2001, Vol. 27, N 4, P. 21–39.
- Habermas J. *Auch eine Geschichte der Philosophie*. Berlin: Suhrkamp Verlag, 2019, 1752 p. (In German)
- Habermas J. *Die Moderne – ein unvollendetes Projekt: Philosophisch-politische Aufsätze 1977-1990*. Leipzig: Reclam Verlag, 1990, 254 p. (In German)
- Habermas J. *The inclusion of the other. Essays on political theory*. St. Petersburg: Nauka, 2001, 417 p. (In Russ.)
- Habermas J. *The new structural transformation of the public sphere and deliberative politics*. Moscow: New literary review, 2025, 104 p. (In Russ.)
- Habermas J. *The structural transformation of the public sphere. An inquiry into a category of bourgeois society*. Massachusetts: Massachusetts institute of technology press, 1991, 301 p.
- Inglehart R. Culture and democracy. In: Huntington S. *Culture matters. How values contribute to social progress*. Moscow: Moscow school of political studies, 2002, P. 106–128. (In Russ.)
- Liu J., Schwarz A., Risius M., Hirschheim R., Van Scotter J. Conceptualizing echo chambers and information cocoons: a literature review and synthesis of current knowledge and future directions. *The Journal of strategic information systems*. 2025, Vol. 34, Iss. 2, P. 1–19.
- Maslow A. *Motivation and personality*. St. Petersburg: Piter, 2019, 352 p. (In Russ.)
- Mouffé Ch. *Deliberative democracy or agonistic pluralism*. Vienna: Institute for advanced studies, 2000, 30 p.
- Nietzsche F. *The will to power: an essay on the revaluation of all values*. Moscow: Cultural revolution, 2005, 880 p. (In Russ.)
- Parnes J. Internet media as the digital public sphere: possibilities and problems. *Central European journal of communication*. 2016, Vol. 9, N 1 (16), P. 90–103.
- Schmitt K. The concept of the political. In: Vasilik M.A. (ed.). *Political science: anthropology*. Moscow: Gardariki, 2000, P. 23–42. (In Russ.)
- Varoufakis I. *Technofeudalism: what killed capitalism*. Moscow: Ad Marginem press, 2023, 342 p. (In Russ.)
- Yarskaya-Smirnova E.R., Romanov P.V. (eds). *Public sphere: theory, methodology, case study: collective monograph*. Moscow: OOO Variant: TsSPGI, 2013, 360 p. (In Russ.)
- Zuboff S. *The age of surveillance capitalism: the battle for the human future on the new frontiers of power*. Moscow: Gaidar institute publishing house, 2022, 784 p. (In Russ.)

Литература на русском языке

- Варуфакис Я.* Технофеодализм. Что убило капитализм. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2023. – 342 с.
- Зубофф Ш.* Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти. – М.: Издательство Института Гайдара, 2022. – 784 с.
- Инглхарт Р.* Культура и демократия // Хантингтон С. Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу. – М.: Московская школа политических исследований, 2002. – С. 106–128.
- Маслоу А.* Мотивация и личность. – СПб.: Питер, 2019. – 352 с.
- Несовершенная публичная сфера. История режимов публичности в России / сост. Т.М. Атнашев, Т.В. Вайзер, М.Б. Велижев. – М.: Новое литературное обозрение, 2021. – 744 с.
- Ницше Ф.* Воля к власти: опыт переоценки всех ценностей. – М.: Культурная Революция, 2005. – 880 с.
- Публичная сфера: теория, методология, кейс-стади: коллективная монография / под ред. Е.Р. Ярской-Смирновой, П.В. Романова. – М.: ООО «Вариант»: ЦСПГИ, 2013. – 360 с.
- Хабермас Ю.* Вовлечение другого. Очерки политической теории. – СПб.: Наука, 2001. – 417 с.
- Хабермас Ю.* Новая структурная трансформация публичной сферы и делиберативная политика. – М.: Новое литературное обозрение, 2025. – 104 с.
- Шмитт К.* Понятие политического // Политология: хрестоматия / под ред. М.А. Василика. – М.: Гардарики, 2000. – С. 23–42.